

- ¹⁰ *Передо мной <...> наполненным*: В пузырьке, наполненном (л. 2).
- ¹¹ *по-своему. <...> дверь*: по-своему; чужая жизнь шаркала и раздражалась хохотом в коридоре. Прошла вечность, прежде чем явилась Вера (л. 2).
- ¹² *сказала она*: сказала она и прикрыла за собой дверь (л. 2).
- ¹³ *Старушка едет*: Старушка одна едет (л. 3).
- ¹⁴ *Вера легла <...> денег жалко*: В постели, слепо уставившись в меня расплывшимися сосками, лежала большая женщина с опавшими плечами. / — Что сидишь невесел, — спросила Вера и потянула меня к себе, — или денег жалко (л. 3).
- ¹⁵ *Вижу, <...> меня к себе*: Вижу, что не корова, — зевнув, сказала Вера. Глаза ее слипались (л. 3).
- ¹⁶ *Отступить <...> рассказал*: Отступить было некуда, и я рассказал (л. 3–4).
- ¹⁷ *Мы жили <...> С 10 лет*: Мы жили в Алешках Херсонской губернии, — придумано было для начала, — отец работал чертежником, пытался дать нам, детям, образование, но мы пошли в мать, картежницу и лакомку. Десяти лет (л. 4).
- ¹⁸ *Иванычем*: Ивановичем (л. 4).
- ¹⁹ *злодейства*: злодейств (л. 4).
- ²⁰ *мы прожили <...> оказался*: мы прожили с ним четыре года. Степан Иванович оказался (л. 4).
- ²¹ *за*: на (л. 4).
- ²² *Мне бы <...> биллиард*: Мне бы ремесло изучить за эти годы, но у меня на уме одно было — биллиард (л. 4).
- ²³ *бронзовые <...> взысканию*: бронзовые векселя, векселя предъявили ко взысканию (л. 4–5).
- ²⁴ *Сам <...> услышав*: Как взбредли мне на ум бронзовые векселя — кто знает? — но я сделал правильно, упомянув о них. Женщина всему поверила, услышав (л. 5).
- ²⁵ *гостиницы, <...> духанщиков*: гостиницы, где я остановился, обещал богатых гостей, но пока он приводит одних духанщиков (л. 5–6).
- ²⁶ *керосинка давно потухла*: керосинка потухла (л. 6).
- ²⁷ *подошла к окну*: прошла по комнате (л. 6).
- ²⁸ *она, <...> делают*: она и развела створки окна, — боже чего делают (л. 6).
- ²⁹ *Она протянула голые руки и развела створки окна*: Этой фразы нет.
- ³⁰ *его*: окна (л. 6).
- ³¹ *Значит, стерва <...> Я понурился*: Этого отрывка нет.
- ³² *делают, <...> рубит*: делают, — сказала Вера — боже, чего делают... / Я прерву здесь рассказ, для того чтобы спросить вас, товарищ (л. 6–7).
- ³³ *полную терпения и труда, я услышал*: полную терпения и услышал (л. 7).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-239-250

© А. А. Кобринский

«ДОРОГОЙ НИКАНДР АНДРЕЕВИЧ...»: К БИОГРАФИИ Н. А. ТЮВЕЛЕВА

В работах, посвященных истории и поэтике русского авангарда, давно общим местом стали попытки выявить линии русской и мировой литературной традиции, которые развивал и продолжал Д. Хармс, а также степень его влияния на последующую русскую литературу, разумеется, периода 1960-х годов и далее, исключением можно назвать только несколько работ, в которых ставится вопрос об ориентации на творчество Хармса его современника Геннадия Гора.¹ Считалось, что практически полное отсутствие напечатанных при его жизни текстов (за исключением детских произведений)

¹ См., например: *Муждаба А. 1) «Вмешательство живописи» Геннадия Гора: карикатура или автопортрет? // Восьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. СПб.; Kaukolempiälä (Цвелодубово), 2012. С. 255–265; 2) Поэзия Геннадия Гора // Геннадий Гор. Стихотворения 1942–1944. М., 2012. С. 11–22; Ласкин А. Квадратура Гора // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 38. С. 253–268.*

Ил. 1. Н. А. Тювелев. Фотография из студенческого дела (ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 10. Ед. хр. 765; оборот обложки дела)

не позволяет говорить о его влиянии на литературу вплоть до появления таких публикаций в 1950-е годы и одновременного возникновения «самиздатских» сборников.

Между тем рядом с Хармсом в конце 1920-х — начале 1930-х годов был поэт, который практически открыто ориентировался как на его поэтику, так и на авангардное бытовое поведение и которого многие называли его учеником. Так получилось, что некоторые из сохранившихся воспоминаний современников о стихах Никандра Андреевича Тювелева были вполне комплиментарными, но о самом поэте до настоящего времени практически ничего не известно.

Н. Харджиев так вспоминал о Тювелеве в своих заметках: «У Хармса был последователь Никандр Тювелев, писавший недурные стихи. Коренастый, сильный, красивый парень. Говорил, что хотел бы быть единственным в стране поэтом: тогда бы его все боготворили. Он был арестован и, по всей вероятности, расстрелян».²

«...Почти ничего не известно об „ученике Хармса“ Н. Тювелеве, следы которого искал покойный Л. Чертков (в друскинском архиве есть

лист с его черновиками)», — пишет М. Мейлах в своих заметках о «персонажах из чинарско-обэриутского окружения».³ И действительно, следов в архивах не находилось. А. Дмитренко в процессе подготовки комментария к тому «Даниил Хармс глазами современников» ввел в научный оборот две статьи из ленинградских студенческих газет 1929 года, где весьма критически описывались похождения студента ЛГУ Тювелева (о них ниже), однако в его комментариях также содержатся неточности и ошибочные предположения, вызванные все теми же причинами — отсутствием каких бы то ни было источников по биографии Тювелева.

Причины неудач архивных поисков кроются в том, что от рождения фамилия Никандра Андреевича была не Тювелев, а Тювилев. В связи с чем он решил изменить в ней одну букву, неясно, но это произошло к концу его учебы в университете, ориентировочно — в 1929 году. Поступал же он в ЛГУ именно как Тювилев, его личное студенческое дело сохранилось в архиве⁴ и дает нам возможность раскрыть ранее неизвестные факты его биографии.

Никандр Андреевич Тювилев родился 1 ноября 1902 года⁵ в селе Сурадеево Княгининского уезда Бутурлинской волости Нижегородской губернии⁶ в семье крестьянина Андрея Андреевича Тювилева и его жены Хионии Михайловны. Из анкет мы узнаем, что его мать была 1862 г. р. У Тювелева также была младшая сестра 1910 г. р. (л. 10 об.). О бедности семьи можно судить также по его студенческой анкете. В ней же в 1928 году

² Цит. по: Мейлах М. Б. Поэзия и миф: Избр. статьи. 2-е изд. М., 2018. С. 1010 (Studia philologica).

³ Там же. С. 631.

⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 10. Ед. хр. 765. В дальнейшем ссылки на указанную единицу хранения приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа.

⁵ До настоящего времени год рождения Тювелева предположительно указывался как 1905 (Хармс Д. Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник: В 2 ч. / Сост. В. Сажина и Ж.-Ф. Жаккара; прим. В. Сажина. СПб., 2002. Ч. 2. С. 390; Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма / Под ред. А. Дмитренко и В. Сажина. СПб., 2019. С. 511 и др.), что неверно. Таким образом, он не ровесник Хармса, а был на три года его старше.

⁶ В студенческих анкетах Тювелев указывает местом рождения Сергачский уезд, это было связано с тем, что в 1923 году Княгининский уезд был разделен и село Сурадеево на момент заполнения анкет оказалось уже в Сергачском уезде.

Тювелев сообщал, что до 1917 года у семьи был один душевой надел земли и корова, к 1921 году количество земли увеличилось до надела для «двух едоков», т. е. примерно полторы десятины, однако после 1921 года коровы уже не было. По состоянию на 1928 год мать продолжала жить в деревне, принадлежащий ей земельный надел не изменился, однако она сдавала его в обработку, так как из-за отсутствия своей лошади самостоятельно обрабатывать землю было невозможно (л. 19 об.).⁷

Тювелев вступил в комсомол (был ответственным секретарем первичной ячейки). Проявлял заметную общественную активность, и с 1919 по 1923 год был даже членом сельсовета в Сурадееве.⁸ Переехал в Нижний Новгород, где поступил на рабфак Нижегородского университета.⁹ Одновременно работал портным в частной швейной мастерской и на государственной фабрике «Промшвей» — очевидно, для заработка. В 1925-м был принят кандидатом в члены ВКП(б) (однако по описываемым ниже причинам в партию в то время принят не был). Впоследствии он укажет, что считал себя портным по основной профессии до поступления в вуз.

Рабфак Тювелев окончил в 1926 году («по биологическому уклону»), получив направление для поступления в Ленинградский университет. В том же 1926 году он приехал в Ленинград и без особых проблем (без «проверочных испытаний» — в счет квоты мест для выпускников рабфаков) поступил на факультет языковедения и материальной культуры (так называемый «Ямфак»).¹⁰

Поскольку с документами и направлением у него все было идеально, Тювелева поселили в университетском общежитии по адресу: Мытнинская наб., д. 5/2, комн. 187 (затем — 67) — или «на Мытне», как для краткости говорили студенты. Летом 1927 года он находился на двухмесячных сборах в Красной армии.

Тогда же, в университете, началось увлечение Тювелева поэзией. Примерно в первые месяцы 1929 года он знакомится с Хармсом — и это знакомство стало переломным для его личностного и творческого развития. С этого момента он пишет достаточно «обэриутские» стихи (несколько дошедших до нас стихотворений это вполне подтверждают) и открыто ориентируется на поэтику Хармса. Но пожалуй, не менее важными оказались возникшие блестящие личные дружеские отношения и попытки Тювелева перенять и развить блестящие хармсовские импровизации, «хэппенинги», которые были широко известны в ленинградской культурной среде и о которых осталось немало мемуарных свидетельств. Некоторые из них Тювелев разыгрывал со своим «учителем». В воспоминаниях Г. Гора приводится такой эпизод: «Однажды я стал свидетелем такой сцены. Хармс вместе с Никой Тювелевым вошли в кондитерский магазин фирмы знаменитого в те годы нэпмана Лора. Ника Тювелев упал на колени перед элегантно одетым, похожим на иностранца Хармсом и на тарабарском, тут же созданном языке стал кланчить, умолять, чтобы Хармс купил ему лоровское

Ил. 2. Н. А. Тювелев. Фотография из студенческого дела (ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 10. Ед. хр. 765. Л. 22 об.)

⁷ В деле также имеется справка о том, что хозяйство, в котором он проживал на родине, в 1928–1929 годах освобождено от уплаты 3 рублей 70 копеек налога «по случаю бедного состояния» (л. 16).

⁸ В одной из анкет он утверждает, что с 1921 по 1923 год был председателем сурадеевского сельсовета (л. 17 об.).

⁹ Тювелев писал, что был секретарем профсекции рабфака (л. 19).

¹⁰ Как указано в справке, находящейся в личном деле, «Цикл Восточной Европы (уклон литературный)» (л. 33).

пирожное. Собралась толпа, привлеченная сценой, вырванной из того не написанного, но сыгранного романа, который Хармс создавал не на бумаге, а в жизни».¹¹

Однако попытка Тювелева устроить собственную акцию в театре Сатиры с переодеванием и чтением стихов, которой предшествовала весьма традиционная для Хармса «прогулка по Невскому» в переодетом виде,¹² обернулась скандалом. При этом так получилось, что этот скандал наложился на другой — когда он вместе со своим приятелем, также студентом ЛГУ Н. А. Бугровым (который был старше Тювелева на два года) попал в милицию за пьяный дебош в магазине. Результатом последней истории стало письмо, направленное 15 октября 1929 года в ЛГУ из административной комиссии Центрального района Ленинграда, в котором руководство университета извещалось о том, что «вашим студентам БУГРОВУ Ник. Ал-ровичу 1900 г. и ТЮВЕЛЕВУ Никандру Андреевичу постановлением комиссии от 1/Х № 14779 вынесено предупреждение за скандал с площадной руганью и др. хулиганские выходки в магазине, будучи в нетрезвом виде» (л. 12).

Неприятности на этом не закончились: почти одновременно Тювелев стал героем двух публикаций в ленинградской студенческой печати. В этих публикациях, благодаря которым мы узнаем некоторые подробности его авангардных «акций», по обычаю того времени содержались политические обвинения и призывы к жестким «оргвыводам». Кроме того, к его несчастью, к 1929 году дискуссии о литературно-художественной богеме (особенно в молодежной среде), распространенные еще несколькими годами ранее, уже прекратились, а само явление уже окончательно заняло свое место по соседству с такими понятиями, как «хулиганство», «мещанство», «анархизм», «упадничество», т. е. глубоко вредными и реакционными с точки зрения ценностей пролетарской революции. Не случайно именно в 1929 году выходит статья В. Фриче в «Литературной энциклопедии», посвященная богеме, где вся эта тематика объявляется реакционной уже практически официально.¹³

«Кабацкие лавры Есенина¹⁴ и раннего Маяковского некоторым мелкобуржуазным юношам не дают покою — так начиналась статья Амбы «Гнилой аромат богемы...» в газете «Ленинградский студент» (под псевдонимом «Амба» скрывалась будущий драматург Надежда Яковлевна Гольдберг). — Взятый в тиски пролетарской диктатуры, мелкий буржуа бесится. Он кричит о своей „свободной душе“, „свободных порывах творчества“ и т. п. вещах. Пролетарское общество не желает ни читать, ни портить бумагу на издание мелкобуржуазных и кабацких поэтов и поэтиков. Но они жаждут славы. Жаждут известности, какой бы ценой эта известность ни была куплена».¹⁵

¹¹ Гор Г. Замедление времени // Даниил Хармс глазами современников. С. 229. В 1920-е годы в Ленинграде существовал целый ряд кафе-кондитерских, принадлежавших семейству Лор. Возможно, в данном случае речь идет о кафе на Невском пр., д. 44.

¹² См., например, описание прогулки по Невскому, предложенной Хармсом в 1924 году Э. Мельниковой (урожд. Изигкейт): она должна была быть одета няней — в переднике и косынке и вести Хармса за руку — с висящей на шее соской (*Мельникова Э. Э. «Вполне прилично» // Глоцер В. И. Вот какой Хармс! Взгляд современников. М., 2012. С. 23–25.*

¹³ Фриче В. Богема // Литературная энциклопедия. М., 1929. Т. 1. Стлб. 534–535. См. об этом также: *Яковлева Н. Богема и ее герои в русской литературе // Varietas et Concordia. Essays in Honor of Pekka Pesonen. Helsinki, 2007 (Slavica Helsingiensia; vol. 31).* Многие молодые поэты, начинавшие в «богемной» среде, на рубеже 1920–1930-х годов принялись публично «каяться и отмежевываться», ср. характерные строки В. Эрлиха, близкого друга С. Есенина: «Я пил твое вино, я ел твой хлеб, богема. / Синовым колом плачу тебе за то» («Между прочим», 1931; цит. по: *Эрлих В. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1963. С. 47.*

¹⁴ Скорее всего, Тювелев действительно осознанно или неосознанно воспроизводил некоторые модели бытового поведения, присущие сохранившемуся в массовом сознании образу Есенина. Возможно, что на это влияло и не до конца еще ушедшее к 1929 году восхищение Есениным, свойственное Хармсу в 1925–1926 годах и передавшееся «ученику». При этом Тювелев явно «эксплуатировал» свою яркую внешность (ср. ниже в мемуаре Г. Гора: «кудрявый, как Лель», «рослый красавец»), также отсылающую к Есенину.

¹⁵ *Амба* [Гольдберг Н. Я.]. Гнилой аромат богемы. Пьяные ухаи срывают работу литературной ассоциации ЛГУ // Ленинградский студент. 1929. 7 нояб. № 2. С. 4.

Установив «литературные корни» своего персонажа, автор статьи переходит непосредственно к характеристике его личности: «Тювилев по университету известен как поэт — выразитель наиболее реакционных настроений, имеющих в своей основе кулацкие переживания. Творчество Тювилева неизменно подвергается резкой критике со стороны пролетарской части студенчества. Идеология Тювилева чужда, и он не имеет поклонника, за исключением своего оруженосца Бугрова. Отсюда его „скука“ и желание бить стекла, чтобы хоть этим обратить на себя внимание.

И эта двойка создает систему хулиганства как средство к достижению скандальной известности. Целый ряд отвратительных хулиганских поступков, проделанных этими личностями за последнее время, подтверждает наше положение. Беспобудная пьянка, дебош на вечере Маяковского, целый ряд мелких дебошей и, как венец „славы“, скандальные похождения в театре Сатиры, когда Тювилев одел юбку, размалевал лицо под женщину и попытался в фойе театра прочесть свои стихи».¹⁶

Заканчивалась статья намеками на то, что в ЛАУ (Литературной ассоциации университета), членом которой был Тювелев, имеются люди, сочувствующие ему и втайне им восхищающиеся. Автор статьи вспоминает в связи с этим историю с недавним распространением в главном коридоре университета листовок в поддержку «контрреволюционного выступления Пильняка» и настаивает на более решительной борьбе ЛАУ со «струей отъявленной мелкобуржуазной идеологии». Самого же Тювелева с Бугровым «некоторые товарищи» справедливо требуют исключить из советского вуза.¹⁷

Этим дело не ограничилось: в тот же день появилась и другая публикация, посвященная Тювелеву — в газете «Студенческая правда»: «На днях два члена ЛАУ Тювелев¹⁸ и Бугров, переодевшись в женское платье, в обществе какой-то неизвестной девицы отправились гулять на Невский. Однако простое гулянье не удовлетворило жаждавших „подвига“ поэтов.

Каким-то образом они попали в театр „Сатиры“ и там, в фойе, стали декламировать свои стихи. Для большего эффекта Тювелев надел на голову калошу. Как он сам хвастался, их выступление имело „большой успех“.

И немудрено: вид этих мужчин, одетых в женское платье, и калоша на голове одного из них могли возбудить огромное любопытство у скучающих мещан из числа заведывающих театром „Сатиры“.

Последний подвиг в этот день совершен был Тювелевым и Бугровым в каком-то магазине, где они в пьяном виде устроили хулиганский скандал с самыми последними похабными словами (об этом сообщает в ун-т адм. комиссия райсовета ЦГР).

Тювелев объясняет свои выходки скукой, неудовлетворенностью жизнью, в которой он будто бы не может найти применения своим „блестящим способностям“. Он даже старается подвести под такие дела, как выступление в театре „Сатиры“, теоретическую базу:

- Вся современная литература контрреволюционна!
- Я задыхаюсь в здешней обстановке, я хочу полной свободы!
- Своими действиями я только желаю реализовать свою метафору, свой образ!»¹⁹

В отличие от статьи в «Ленинградском студенте», эта публикация завершалась гораздо более жесткими требованиями исключения Тювелева и Бугрова из ЛГУ, а их «акции» квалифицировались как «попытка протеста загнанных, впавших в индивидуализм личностей против пролетарской общественности».²⁰

«Оргвыводы» последовали сразу. Разбор скандала, случившегося 1 октября 1929 года в театре Сатиры, а также двух публикаций в прессе происходил в профкоме факультета, который на своем заседании 6 ноября постановил исключить обоих из профсоюза

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ В отличие от статьи в «Ленинградском студенте», здесь фамилия Тювелева уже пишется через «е», видимо, именно в это время он изменил ее написание.

¹⁹ Горностаев В. О господах, которым скучно на этом свете // Студенческая правда. 1929. 7 нояб. № 16. С. 4.

²⁰ Там же.

и обратиться в деканат факультета с предложением об их исключении также и из университета. Тювелев с Бугровым подали жалобу на это постановление в профком ЛГУ; в личном деле Тювелева сохранилось письмо, которое они с Бугровым направили в качестве объяснения своих действий:²¹

«В профком работников Л. Г. У.
от студентов ФИЛа²²
Тювилева и Бугрова

Заявление.

Настоящим просим профком пересмотреть дело в связи с нашим исключением из университета. Наша просьба исходит из того, что тот материал, который профкомом имелся в виду, несколько не соответствует действительности. Опубликованные фельетоны в газетах „Студ<енческая> правд<а>“ и „Ленингр<адский> ст<удент>“ о нашем „похождении“ в „театр Сатиры“ заполнены личной расценкой нашего поступка и, больше того, — изобретениями авторов. Оба фельетона — как тот, так и другой — содержат в себе исключительно коридорные сплетни.

Во-первых, там все смакуется пьянкой. На самом же деле, ничего подобного не было. Об этом могут сказать посторонние: В. Меркулов, С. Ершов, А. Падорка и др.

Извращен также и факт в магазине Ц. Р. К. В фельетоне „Студ<енческой> пр<авды>“ говорится, что случай в магазине Ц. Р. К. был нашим последним номером. На самом же деле, и этот случай происходил месяц тому назад до этого пресловутого похождения.

И сам факт, приписки нам Административной комиссией (случай в магазине Ц. Р. К.) как хулиганский мы считаем недоразумением. Для разъяснения последнего факта мы прилагаем соответствующую справку. Больше всего возмущает каждого, кто знает нас, что авторы фельетонов приписывают нас к мелкому буржуа. Что мы в своем творчестве организуем настроение кулаков и лавочников.

Наше социальное положение — крестьянские бедняки. Так же как тот, так и другой, предвузовскую подготовку получили на рабочем факультете. Наша творческая работа со всем этим глубоко и неразрывно связана.

Литературная Ассоциация нам никогда не приписывала того, что мы организуем кулацкие настроения. Это выдуманная ложь нечестного газетного работника.

За свой поступок мы наказаны исключением из Л. А. У. Постановление Л. А. У. мы считаем правильным и отвечаем письмом в редакцию „Студ<енческой> пр<авды>“, где так же резко осуждаем себя.

В остальном же, т. е. в тех раздутых сплетнях, которые служили в деле нашего исключения из Университета, как действительный материал, — мы просим профком разобраться.

18/XI.29.

Тювилев, Бугров <подписи>» (л. 4–4 об.).

До этого поэты были исключены из университетской Литературной ассоциации,²³ причем этот факт был уже известен авторам статей в газетах. В. Горностаев пишет, что выступления двух поэтов на заседании Ассоциации были таковы, что «на перевоспитание и возвращение их в прежнюю среду надеяться бесполезно».²⁴

²¹ Орфография и пунктуация подлинника в документе сохранены.

²² Т. е. историко-лингвистического факультета, в который в 1929 году был переименован Ямфак.

²³ Членство в Литературной ассоциации университета позволяло Тювелеву иметь хотя бы минимально признанный статус поэта и периодически выступать со своими стихами в школах и на заводах (л. 20).

²⁴ Горностаев В. О господах, которым скучно на этом свете. С. 4. Подборка публикаций на той же странице, посвященных Литературной ассоциации Университета, начиналась с письма в редакцию Геннадия Гора, входившего не только в ЛАУ, но и в рапповскую группу «Смена»

Профком ЛГУ просьбу о пересмотре решения факультетского профкома отклонил.²⁵ Однако студентам повезло: выяснилось, что из-за бюрократической несогласованности дело поэтов-дебоширов было доложено еще 6 ноября руководству университета, которое решило ограничиться строгим выговором с предупреждением о возможном отчислении. Это решение пересматривать не стали (л. 3, 12 об.). Письмо в «Студенческую правду», упомянутое Тювелевым и Бугровым в заявлении, в газете не появилось, но в январе 1930 года в этой газете была напечатана маленькая заметка, в которой сообщалось, что «Тювелев и Бугров <...> постановлением профкома ФИЛ'а исключались из университета. Исполбюро, признавая решение профкома принципиально правильным, но, принимая во внимание, что Тювелев и Бугров признали свои ошибки и что они выходцы из бедняцко-батрацкой среды, постановило вынести им строгий выговор с опубликованием в печати».²⁶

О каком «дебаше» на вечере Маяковского сообщает автор «Ленинградского студента»? Воспоминания об этой «акции» оставил Геннадий Гор: «В конце двадцатых годов среди университетских поэтов появились „бунтари“, которым даже Маяковский казался устарелым. Помню, как один такой „бунтарь“, кудрявый, как Лель, потомок нижегородских богомазов, Никандр Тювелев послал Владимиру Владимировичу дерзкую записку. Маяковский улыбнулся и пригласил Тювелева на трибуну. Случилось нечто непостижимое: став рядом с Маяковским, рослый красавец Ника вдруг стал уменьшаться и оказался по плечо тому, кого он заподозрил в поэтическом консерватизме. Он сразу позабыл, что хотел сказать. Под смех всего зала вернулся на свое место, а Владимир Владимирович, как будто ничего не было, продолжал читать стихи. Потом долго виделась мне эта удивительная сцена, как вырастал на глазах Маяковский и как уменьшался кудрявый университетский Лель — Никандр Тювелев».²⁷

Эпизод с Тювелевым на выступлении Маяковского несколько иначе описывает И. Эвентов, ошибочно датируя его 4 марта 1930 года (на самом деле речь, видимо, идет о вечере Маяковского в Ленинградском университете 20 октября 1929 года): «На одном из подоконников полусидел молодой человек в треухе, из-под которого торчали густые курчавые волосы, резко выделявшиеся на матово-бледном лице. Это был студент-стихотворец Никандр Тювелев; многие из присутствовавших знали его не столько по стихам, сколько по экстравагантным выходкам, в которых была немалая примесь мальчишества и позерства (незадолго до этого он прославился тем, что в фойе Театра сатиры — нынешнего Театра комедии — во время антракта взобрался ногами на стул и принялся читать стихи, привлекая к себе внимание публики). Маяковский едва начал говорить, как Тювелев стал подавать ему короткие грубые реплики, смысл которых до всех нас не сразу дошел. Одну и ту же фразу он повторял несколько раз, пока Маяковский не сделал паузу и не дал нам возможность услышать раздававшиеся с подоконника слова:

— Володимир, ты обобрал Велимира!

Наступила еще более длительная пауза, которую Маяковский прервал словами:

— Ну-ка, выйдите сюда, расскажите...

и учившегося на том же Ямфаке. Гор выражал протест против сопровождения публикации его рассказа «Иван» негативным комментарием редакции. Далее следовал большой и разносный ответ редакции, обвинявшей Гору в формализме и «чуждости пролетариату» и требовавшей «основательной проверки литературных кадров университета». «Это нужно сделать тем более быстро, — указывалось в статье, — что в ЛАУ, помимо Гора, окопались такие лица, как Тювелев, не только в творческом, но и в бытовом отношении враждебные нам» ([Б. п.]. Ответ Геннадию Гору // Студенческая правда. 1929. 7 нояб. № 16. С. 4). Эта полемика завершилась публикацией в мае 1930 года покаянного письма Гора.

²⁵ На заявлении Тювелева и Бугрова в профком сверху имеется резолюция: «Постановление профкома от 6/ХІ-29 оставить в силе. 2/ХІІ-29» (л. 4).

²⁶ Решение Исполбюро по делу Тювелева и Бугрова // Студенческая правда. 1930. 14 янв. № 1–2. С. 8.

²⁷ Гор Г. Замедление времени. С. 228.

Тювелев тут же поднялся на эстраду, скинул шапку, стал что-то бормотать (до нас донеслось только «нахлебники Хлебникова»²⁸) и сразу сник...

— Чего же вы хотите? — спросил Маяковский.

— Хочу читать стихи. Они не заимные, а свои...

— Давайте, — разрешил поэт.

И Тювелев, поднявшись на носки, начал. Но публика не пожелала его слушать. В зале поднялся шум, кто-то засвистел. Непрошенный чтец вынужден был удалиться в сопровождении еще одного студента и какой-то девицы. Маяковский развел руками — в знак своей непричастности к его поражению, — занял свое место на эстраде и снова овладел вниманием зала. Но было видно, что инцидент ему неприятен: в голосе появилась дрожь. Когда выступление кончилось, мы окружили поэта и пытались ему объяснить, что это не первая выходка нашего однокашника, снедаемого жаждой известности и славы».²⁹

Как выше уже было сказано, знакомство Тювелева с Хармсом началось ориентировочно в 1929 году. Впервые его имя появляется в хармсовских записных книжках в мае этого года, тогда же Хармс фиксирует, судя по всему, прочтенное Тювелевым произведение «Златой вылаз» (не дошло до нас) и, видимо, по своему обыкновению, отмечает наиболее понравившиеся строки.³⁰ В январе 1930 года Хармс уже включает Тювелева (вместе с его «приятелем» — скорее всего, с Бугровым) в список участников планировавшегося выступления («силы к вечеру Обэриутов»³¹), а это уже означало существенное признание. О том, что Тювелев был внесен в специальный список кандидатов в «ОБЭРИУ», вспоминает и И. Бахтерев.³² Особые отношения, сложившиеся у Хармса с Тювелевым, отразились и в составленном Хармсом в июне 1933 года списке «С кем я на ты?»: в нем всего 11 человек, и среди них упомянут Тювелев.³³

²⁸ Тювелев ссылался на книгу: *Хлебников В.* Всем. Ночной бал. Альвэк. Нахлебники Хлебникова: Маяковский, Асеев / Обл. П. Митурчича. М., 1927, — в которой И. С. Израилевич (псевд. Альвэк) обвинил Маяковского в том, что тот присвоил некоторые из рукописей Хлебникова и теперь печатает их под своим именем. Судя по всему, Тювелев воспроизводил скандал, устроенный самим Альвэком во время выступления Маяковского в Москве (см. об этом: *Шаламов В.* Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004. С. 52–53). Возможно, он присутствовал на докладе Альвэка в Ленинграде 26 марта 1928 года (см. об этом: *Шишман С.* Несколько веселых и грустных историй о Данииле Хармсе и его друзьях. Л., 1991. С. 18–19 (с ошибкой в годе); *Аничков В.* Сапоги всмятку: диспут «Современное и новое искусство» // *Вечерняя новая газета.* 1928. 28 марта. № 85 (1755). С. 3).

²⁹ *Эвентов И. С.* Три поэта. В. Маяковский. Д. Бедный. С. Есенин: Этюды и очерки. Л., 1980. С. 204–205.

³⁰ *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Ч. 1. С. 295.

³¹ Одна из недавних попыток организации вечера под названием «Василий Обэриутов». См.: Там же. С. 320.

³² *Бахтерев И. В.* Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ) // Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984. С. 77. Бахтерев говорит о списке кандидатов в «Левый фланг», однако знакомство Хармса с Тювелевым состоялось, когда «Левый фланг» уже не существовало. Интересно, что в этот же список был включен и Гор.

³³ См.: *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Ч. 2. С. 8. Для Хармса переход на «ты» был знаком начала особых отношений с человеком, вот почему при его огромном круге знакомств список «С кем я на ты?» оказался столь небольшим. Ср. показания И. Андронникова во время допроса 20 декабря 1931 года по делу Детгиздата (он был арестован вместе с Хармсом, Введенским и др., однако дело в отношении него было прекращено за недоказанностью): «И Хармс, и Введенский предложили в разных случаях, но в одинаковой форме перейти с ними на „ты“, причем в этот переход на „ты“ они вкладывали какое-то важное для них содержание. Хармс, например, сказал мне, многозначительно подчеркивая свои слова: „Я очень редко перехожу на «ты», но, если перехожу, то очень крепко“ («...Сборище друзей, оставленных судьбою»: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 565). Данный список оказывается последним упоминанием имени Тювелева в записных книжках и дневнике Хармса. Инициалы в записи Хармса, сделанной в начале 1934 года: «73-56 Н. А. Т.» (*Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Ч. 2. С. 88), расшифрованы Сажиным как «Никандр Андреевич Тювелев» ошибочно. Данный номер телефона принадлежал звукорежиссеру Николаю Андреевичу Тимофееву, проживавшему на 3-й Советской ул., д. 4.

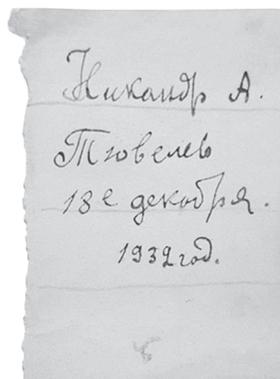
Немаловажно и то, что Тювелев оказался среди довольно ограниченного круга людей, отношения с которыми у Хармса начались в 1920-е годы, до ссылки, и продолжились после нее. Хармс фиксирует в дневнике визит к нему Тювелева 7 декабря 1932 года. Судя по всему, это был первый визит после возвращения из Курска, во всяком случае, Хармс записывает новые для него сведения о жизни бывшего «поэта-бунтаря»: «Он занимается математикой и немецким языком».³⁴ В одной из записных книжек Хармса также сохранилась вложенная рукописная визитная карточка Тювелева: «Никандр А. Тювелев. 18^е декабря. 1932 год».

Самым последним упоминанием Хармсом имени Тювелева стало обращение в прозаическом рассказе в форме письма, датированного «5 сентября и октября 1933»: «Дорогой Никандр Андреевич...». Он входит в широкий контекст шуточных писем первой половины 1930-х годов, написанных Хармсом как до ссылки, так и в Курске и после него, большинство из них были действительно направлены адресатам: А. Введенскому, Т. Липавской (Мейер), К. Пугачевой и др. В них Хармс моделирует различные виды авторского «я», чаще всего — демонстрирующие комический разрыв между описываемыми реалиями и уровнем их восприятия. Что же касается текста «Дорогой Никандр Андреевич...», то в нем этот разрыв возникает на уровне самого развития повествования, когда в результате специфической афазии автор забывает то, что он только что говорил, воспроизводя раз за разом одни и те же языковые конструкции, и, таким образом, он оказывается не способен преодолеть отправную точку сюжета, постоянно к ней так или иначе возвращаясь. Возможно, что в этом письме (судя по всему, оно существовало именно в форме рассказа, не будучи посланным, как другие, адресату) Хармс в наибольшей степени отразил определенные черты сознания «естественных мудрецов», которых он собирал вокруг себя.

В архиве Хармса сохранилось несколько автографов Тювелева, и среди них — два его неоконченных стихотворения «Жалобная книга» и «Вы ходите теперь не те...», а также трехстрочный черновой фрагмент «Важно открою семнадцатый век...» (РНБ. Ф. 1232. Оп. 1. Ед. хр. 431). Свиток (длинная красная бумажная лента) со стихотворением Тювелева «Молитва перед торговкой», написанным в июле 1931 года, был подарен автором Хармсу и висел у него в комнате, пока Хармс, в свою очередь, не подарил его Харджиеву. В 1983 году С. Сигей (Сигов) опубликовал «Молитву перед торговкой» по принадлежащему Харджиеву автографу в журнале «Транспонанс»:

Молитва перед торговкой

Мария ты мельница
 Мытарю дай меч
 Мария ты сеница
 Сытому дай сечь
 И я отсеку носы
 Людям и будкам
 И уйду честным как весы
 К малюткам

Ил. 3. Рукописная визитка Н. А. Тювелева, вложенная в записную книжку Д. Хармса (РНБ. Ф. 1232. Оп. 2. Ед. хр. 750. Л. 45)

³⁴ Хармс Д. Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Ч. 2. С. 216. Немецкий язык Тювелев до этого изучал в университете (л. 25 об.).

Мария колода моя
 Мария церковь моя
 Мария собор
 Мария мешок цветов
 Мария город венков
 Мария пирог небес
 Мария топор.

Открой мне Мария мельницу
 покажи мне ножку
 положи мне мельницу в ложку
 пекарю дай ружье
 писателю дай хлеба
 учителю дай утюг
 а мытарю небо

Мария!
 ты колокольня огня
 Мария,
 ты брюха мотив
 Мария,
 ты против меня
 кооператив.

Июль 1931³⁵

Таким образом, от всего творческого наследия Тювелева сохранилось всего три стихотворения, из которых «Молитва перед торговкой» представляется наиболее интересным, поскольку оно не только несет на себе явные следы влияния хармсовской поэтики (прежде всего, конечно, «серенады» Хармса 1927 года «Выходит Мария, отвесив поклон...»), но и, видимо, в свою очередь повлияло на возникновение у Хармса вуайеристско-эротического мотива, связанного со «сладострастной торговкой» (см. одноименное стихотворение 1933 года). Не исключено также, что «кооперативная» тематика стихотворения Тювелева вызвала впоследствии к жизни хармсовский рассказ «Кассирша», имевший первоначальный вариант названия «Маша и Кооператив». Разумеется, «Молитву перед торговкой» следует рассматривать также и в контексте жанра литературных молитв Хармса, который стал для него особенно актуальным в 1931 году (см. включенную в название дату написания одной из самых известных молитв: «Молитва перед сном 28 марта 1931 года в 7 часов вечера»³⁶).

³⁵ Тювелев Н. Молитва перед торговкой // Транспонанс. 1983. № 17. С. 93–94. «Указание, что это стихотворение было переписано Даниилом Хармсом (Там же. С. 96), ошибочно, — замечает В. Эрль. — Случайно или нет, но почерки Тювелева и Хармса удивительно схожи. Надо также учесть, что, переписывая для Хармса свое стихотворение, Тювелев, вероятно,вольно или невольно подражал так называемым „каллиграммам“ Хармса, выполненным в то же время, — в частности, я имею в виду автограф Хармса „На сиянии дня месяца июня...“. Кроме того, естественно для гостя, но никак не для хозяина указывать под текстом место записи стихотворения (под текстом «Молитвы...» указан адрес Хармса)» (Эрль В. С кем вы, мастера той культуры? Книга эстетических фрагментов. СПб., 2011. С. 39).

³⁶ О литературных молитвах Хармса см., например: Топорков А. Л. Из истории литературных молитв // Этнолингвистика малых форм фольклора: Тезисы. М., 1988. Ч. 2. С. 29–30; Шукуров Д. Л. Опыт деконструкции стихотворных текстов-молитв Даниила Хармса // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. № 4. С. 366–377; Рябкова О. В. Жанр молитвы в поэзии Даниила Хармса // Дергачевские чтения — 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 201–205; Судник Д. М. Стихотворные молитвы Даниила Хармса периода творческого кризиса // 78-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: В 3 ч. Минск, 2021. Ч. 2. С. 280–283.

Наконец, теперь уже невозможно сомневаться в том, что персонаж по имени Никандр, появляющийся в стихотворной сценке Хармса «Вода и Хню» (1931) — действительно является прямой отсылкой к Н. Тювелеву:

Хню (молча):
Да. Это я.
А вот мой жених Никандр.

Никандр:
Люблю, признаться, вашу дочь.
И в этом вас прошу помочь
мне овладеть ее невинностью.
Я сам Бутырлинского края,
девиц насилую, играя
с ними в поддавки.
А вам в награду, рыбачок,
я подарю стальной сачок
и пробочные поплавки.

Рыбак:
Шпасибо, шпасибо!

Никандр:
Лови полтину!³⁷

До настоящего времени происхождение Никандра из «Бутырлинского края» никак не могло комментироваться, но теперь его прототипические связи с Н. Тювелевым становятся очевидными: хармсовский «ученик» родился именно в Бутурлинской волости. Кроме этого, в сценке содержатся иронические отсылки к любвеобильности Тювелева. Наконец, в тексте также присутствует явная ироническая контаминация Бутурлинской волости и Бутырской тюрьмы.

Последним по хронологии документом в университетском личном деле Тювелева оказывается заявление в студенческом деле ЛГУ на клочке бумаги, датированное 9 сентября 1931 года, в котором он сообщает, что в 1930 году, 14 мая, он окончил университет³⁸ и теперь просит выдать ему документы для представления их в Институт речевой культуры,³⁹ куда он собирается поступать «в аспирантуру» (так! — А. К.) (л. 1). Однако, судя по всему, он туда поступать не стал или не поступил, во всяком случае, в списках аспирантов Института речевой культуры начала 1930-х годов имя Тювелева не значится.⁴⁰

Информация Харджиева об аресте Тювелева и о возможном его расстреле, упомянутая в начале данной статьи, также не нашла подтверждения.⁴¹ Согласно ответам архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также Центрального

³⁷ Хармс Д. Полн. собр. соч. СПб., 1997. Т. 1. Стихотворения, переводы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. В. Н. Сажина. С. 195.

³⁸ Сохранившийся в студенческом деле матрикул дает возможность получить представление об уровне полученного им образования. Так, к примеру, в 1930 году он прослушал курс поэтики и отдельный по ней семинарий у Б. Томашевского (л. 26).

³⁹ Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков запада и востока Ленинградского государственного университета, существовавший с 1921 года; в 1930-м был преобразован в Государственный институт речевой культуры. Впоследствии, в 1933 году, институт был ликвидирован, а на основе его языкового сектора создан Ленинградский научно-исследовательский институт языковедения.

⁴⁰ См.: Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 302. Оп. 1. Ед. хр. 39, 67; а также: Оп. 2 (личный состав института), и др.

⁴¹ К сожалению, указание на арест и вероятный расстрел Тювелева по делу ленинградского «Перевала» попало и в нашу публикацию 1990 года: Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ., вступ. статья, комм. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее. Paris, 1991. Вып. 11. С. 564.

архива ФСБ РФ и информационного центра УМВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, архивных уголовных дел в отношении Н. А. Тювелева (Тювилева) не имеется. Зато Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО) позволил в значительной степени прояснить позднейшую судьбу поэта. Оказалось, что он благополучно дожил до войны, а 13 декабря 1941 года был призван в армию военкоматом Автозаводского района г. Горького в звании рядового и прошел всю войну. Таким образом, не став аспирантом Института речевой культуры, Тювелев уехал из Ленинграда в Горький (Нижний Новгород), где он в свое время учился на рабфаке, и жил там до призыва в армию.

Воевал на 2-м и 3-м Белорусском, а также на 1-м и 2-м Прибалтийском фронтах. В представлении его к ордену Отечественной войны I степени, датированном 23 мая 1945 года и подписанном командиром 576-го стрелкового Тильзитского полка подполковником И. П. Сердюковым, о боевом пути Н. Тювелева говорится подробно: «В боях за Социалистическую Родину тов. ТЮВЕЛЕВ был 4 раза ранен и один раз контужен. 20 марта 1942 г. ранен в районе Старой Руссы, будучи в составе 169 с<трелковой> д<ивизии> телефонистом, в правую руку. 5.8.<19>42 г. в составе 463 стрелкового полка ком. взводом <так! — А. К.> наступая, ранен в голову. 22.8.<19>42 г. ранен под Ржевом в левое бедро в составе 463 стрелкового полка. 30.11.<19>42 г. в должности командира пулеметного взвода в составе 31 курсантской бригады ранен легко в предплечье под Новосокольниками. Контужен 13.8.<19>43 г. в районе гор. Невеля в составе 1195 стрелкового полка».⁴²

В 1943 году Никандр Тювелев вступил в ВКП(б). Дослужился до звания старшего лейтенанта и был демобилизован 10 июля 1946 года.⁴³ Последняя его известная должность — начальник клуба полка (январь 1946 года).⁴⁴ На этом информация о жизненном пути Никандра Тювелева пока что обрывается.

⁴² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1758. Л. 245. Приказ о награждении был издан 19 июня 1945 года (ЦАМО. Картотека награждений. Шкаф 19н. Ящик 1).

⁴³ Там же. Учетно-послужная картотека. Шкаф 211. Ящик 5. Здесь же имеются сведения о награждении Тювелева медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

⁴⁴ Там же. Ф. 422. Оп. 10514. Д. 213. Л. 276.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-250-258

© Юань Мяосюй (КНР)

КИТАЙСКАЯ СУДЬБА ТВОРЧЕСТВА Б. Л. ПАСТЕРНАКА (РЕЦЕПЦИЯ И ПЕРЕВОДЫ)*

Без всякого преувеличения можно сказать, что в 50-е годы XX века китайская переводная художественная литература понимается как литература, переведенная с русского языка. По данным статистики,¹ в этот период издания китайских переводов русско-советской литературы составляют 2146, затем переводы английской литературы — 250, американской литературы — 213, французской литературы — 185. Начиная с 1957 года, когда разногласия между КПК и КПСС обострились, в Китае изда-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного общественного научного фонда КНР в рамках научного главного проекта № 18ZDA284 и переводческого проекта научных трудов № 20WZSB002.

¹ Подробные данные были опубликованы в монографии: Ван Югуй. История китайской переводной литературы второй половины XX века: 1949–1977. Пекин, 2015. С. 315, 717, 781–782, 966.